

РЕТРО ВДВОЕМ

Узбек и еврейка — они, если честно...

Алла увидела его случайно. В выходной день под звуки вечно бубнящего телевизора она наводила порядок в своей квартире. Алла уже направлялась в другую комнату, как вдруг какая-то неведомая сила приковала ее взгляд к экрану. С полуоткрытыми глазами то ли пел, то ли молился худенький нерусский мальчик. "Боже, как он поет!" — прошептала Алла.

"Боже, как он поет!" — теперь уже настал черед удивляться Стахану. Он сидел в зрительном зале, когда на сцену поднялась Алла. Худенькая, как ему показалось, страшенькая, конопатенькая. Прихрамывающая на одну ногу. "Конец концерта, — усмехнулся про себя Стахан, — зачем она вышла?..." И тут девушка начала петь. Стахан был шокирован. Он достал из кармана ручку, нашел в программке имя неизвестной певицы — Алла Иошпе — и обвел его кружочком.

Через какое-то время они встретились. В Колонном зале проходил заключительный конкурс студенческой самодеятельности. Фаворитов, по общему мнению, было двое: солистка оркестра МГУ Алла Иошпе и восходящая звезда МЭИ Стахан Рахимов. Они в итоге и поделили первое место.

Алла его не узнала. "Вот сразу видно, что вы не певец! — возмутилась она, когда Стахан присел к ней за столик и небрежно закурил. — Курите, а это вредит связкам". Стахан молча погасил сигарету и пошел на сцену...

Стахан: "Еще до концерта я сказал себе: если она останется меня слушать — все будет. И когда она осталась, я незаметно снял обручальное кольцо и положил его в карман".

Алла: "Когда услышала, как он поет, я не выдержала, подошла к нему и сказала: "Стахан, какой же вы молодец!" А потом он пошел провожать меня домой и рассказывал сказки на узбекском языке. "Боракан-йогакан" — я слушала эту странную вязь речи, светили звезды... Это было так красиво. Я немного устала, он тактично посадил меня на лавочку у Никитских ворот, и мы разговаривали, разговаривали... Но я еще ни о чем не думала: любовь — не любовь. Даже и представить себе не могла, что заведу роман на стороне, уйду от мужа... Через неделю Стахан привел меня в свою компанию. Он делал плов, заворачивал вот так (показывает. — Авт.) рукава рубашки. Смуглый, красивый, худой, скуластый, зараза... Как он разделял это мясо! Тогда я подумала: "Иошпе, тебе нужно спастись бегством". Но он меня уже не отпустил..."

В семьях Стахана и Аллы известие об их браке восприняли в штыки. Родители Аллы возмущались: ты замужешь, у тебя такой прекрасный муж, он тебя так любит! А этот — узбек. Из другой семьи, из другой республики. Ты что, не знаешь, они многоженцы, они коварные... Алла умоляла родителей: "Но мы не можем, мы так поем вместе!".

Мама Стахана сначала тоже казалась непреклонной. Говорила: "Москвичка. Они же все испорченные, избалованные. У нас тут что, мало узбеков своих?" — "Мама, — пытался возразить Стахан, — конечно, Алла москвичка, но она не русская, она еврейка..." Как ни странно, эта фраза подействовала. Женщина вдруг на минутку задумалась, тяжело вздохнула. "Ну что ж, — говорит, — все-таки своя". "В смысле, нацменка", — поясняет Стахан.

Алла: "Мой первый муж наше расставание перенес очень тяжело. Он вез меня на очередную репетицию, когда я сказала: "Не получится у нас, прости меня ради бога". Он отпустил руль, машина чуть не скатилась в кювет, одним колесом повиснув над оврагом. "Я тебя прошу, одумайся, — сказал он мне. — Ты потом об этом всю жизнь будешь жалеть. Это не твой человек. Я знаю, я чувствую. Пускай пройдет полгода, год, но давай не будем расставаться. Я никогда не напьюсь тебе о том, что было..." Он был для меня настоящим рыцарем: оберегал, заботился. Интеллигентнейший, добрейший, деликатнейший человек, любящий меня несказанно. Наверное, я его любила... Конечно, я его любила. Но у нас была разная жизнь: он — инженер, я — певица. А люди сцены — они же ненормальные, и терпеть эту ненормальность может только такой же ненормальный человек".

— Жена Стахана тоже переживала?

— Страдала, страдала девочка. Никогда не забуду: она приехала в Москву, вызвала его по телефону вниз... Мне так ее было жалко!

Стахан: "Наташа была студенткой, очень хорошая девочка: мягкая, добрая. А мама меня всегда учила, что человек должен быть не столько красивый, сколько теплый. Наташа как раз была такой — с изюминкой. Но ничего не поделаешь — музыка".

"Стахан мне сказал: "Не пойдём к Рознеру, мне не понравилось, как он на тебя посмотрел"

В начале 70-х говорили о великопеленной пятёрке советской эстрады. На самом деле их было шес-

В конце 70-х из народных любимцев они превратились во врагов народа. Популярнейший дуэт, Алла Иошпе и Стахан Рахимов, песни которых — "Алеша", "Соловьи" и "До свидания, мальчики" — знала наизусть вся страна, в одночасье потеряли все. Знаменитую пару лишили званий, из продажи были изъяты и уничтожены все их пластинки и кассеты, Стахана исключили из партии, их дочь, студентку-отличницу Таню, выгнали из университета с формулировкой "не соответствующая высокому званию советской студентки"...

— Да бросьте вы ее, эту предательницу, эту сионистку! — уговаривал Рахимова представитель "органов". — Из-за какой-то жидовки портите себе жизнь. Пусть она катится к чертовой матери, но вы-то... Тогда на увещевания молодого сотрудника КГБ Стахан Рахимов ответил фразой, ставшей впоследствии их девизом по жизни: — Даже если Иошпе поставит на один конец земного шара, а Рахимова — на другой и развернуть их спиной друг к другу, они все равно возьмут дыхание в одном месте... Мы не можем не петь вместе. Мы не можем не жить вместе. Это исключено. В этом году исполняется 40 лет, как Алла Иошпе и Стахан Рахимов живут и поют вместе.

тер: Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Майя Кристалинская, Эдита Пьеха и они — Алла Иошпе и Стахан Рахимов. Ни один кремлевский концерт, ни один новогодний "Огонек" не обошелся без песен интернационального дуэта. "Алеша", "Соловьи", "До свидания, мальчики", "Ночка луговая" — с этими шлягерами Иошпе и Рахимов стали звездами первой величины в Советском Союзе и объездили весь мир.

Их называли "эстрада во фраке". Мягкая, лиричная манера исполнения. Негромкие, чистые, приятные голоса, неподдельная искренность. Зрители их боготворили. А вот коллеги — недолюбливали. Многие из знаменитых артистов за спиной у Аллы и Стахана перешептывались: "Чего в них особенного — как была самодеятельность, так и осталась. У них напрочь отсутствует эстрадная подкача".

Алла: "Мы же на сцене очень статичны, почти не двигаемся. Помню, как-то раз были в Юрмале, выступали на концерте Раймонда Паулса. Перед нами вышел один латвийский дуэт. Неплохо пели, даже хорошо. Но все время обнимались, показывали, как они друг друга любят. А нам всего этого не надо. Зал ловил каждый наш нюанс: как я на него посмотрю, как он меня возьмет за руку, как я на него обопрусь... Этим же очень много сказано, правда? Не зря говорят, что самый громкий крик — это шепот. Про нас говорили: когда они поют на сцене, возникает ощущение, что зрительный зал им только мешает".

Стахан: "А недолюбливали нас в основном те артисты, которым в свое время мы, студенты, перекрыли кислород своими "леваками". У нас была слаженная команда, которая называлась "семь плюс семь": мы с Аллой, пятеро наших музыкантов и семь "разговорников": Марик Розовский, Алик Аксельрод, Семен Фарада, Александр Филиппенко и другие. Все студенты-аспиранты — ни одного профессионала. И мы "левачили" — все левые, коммерческие концерты в Москве были наши. В Мосэстраде народные артисты шептались по углам: "Откуда взялись эти аспиранты?!" Нас "кадрили" знаменитые коллективы: Московский мюзик-холл, оркестры Лундстрема, Рознера..."

— Кстати, — перебивает мужа Алла, — однажды мы все-таки пришли к Эдди Рознеру домой. Уже договорились о репертуаре, но только вышли, Стахан мне сказал: "Не пойдём, мне не понравилось, как он на тебя посмотрел". И со многими известными композиторами выходила такая же история — Стахан снова говорил: нет.

Со стороны могло показаться, что Алла и Стахан — эдакие баловни судьбы: молодые, талантливые, облаканные властями. На самом деле их путь к эстраде Олимпу был усыян не только розами, но и шипами. Первый раз "по

шапке" они по-лучили за то, что во время Семидневной войны исполнили в Лужниках "вражескую" "Хаву Нагилу". Тогда, с формулировкой "за нарушение трудовой дисциплины", Аллу и Стахана не пустили на гастроли в Германию.

Дальше — больше. На концерте памяти Марка Бернеса сугубо патристическую песню "С чего начинается Родина" Иошпе и Рахимов позволили себе исполнить в виде диалога, а в концовке еще и оставили вопрос открытым. Это уже была настоящая крамола. "Сосунки, они задают вопрос, они ставят под сомнение: с чего начинается Родина?" — не могла скрыть возмущения "советская общественность" в лице чиновников из Министерства культуры.

Алла и Стахан — 40 лет вместе.

Алла ИОШПЕ и Стахан РАХИМОВ: "Мы выжили, потому что остались вместе"

Во время другого концерта Стахан на какое-то мгновение забыл слова одной из песен. Наступила неловкая пауза. Но певец не растерялся: подошел к рампе и попросил подсказки у зрительного зала. На следующий день кто-то распустил по Москве слух, что Рахимов вышел на сцену пьяным.

Но все это были цветочки — трагедия в их жизни случилась позже.

10 лет под домашним арестом

Как-то раз Иошпе и Рахимова пригласили в Министерство культуры. Тогдашний министр Демичев начал деловито: "Тут к нам поступило письмо, подписанное сотнями зрителей. Пишут: "Неужели наше великое государство не может помочь в лечении талантливой артистке Алле Иошпе?" Чем могу помочь?" "Нужна операция за границей", — ответил Стахан. "Почему за границей?!" — возмутился Демичев. — Оперируйтесь здесь. У нас нет таких денег, чтобы оплачивать ваше лечение за границей".

Почти всю жизнь Алла Иошпе борется с постоянными болями в ноге. В 11 лет у нее обнаружили заражение крови. С того света девочку вытащить удалось, но проблемы со здоровьем остались. Восхищенные зрители и не догадывались, с какой чудовищной болью приходилось бороться певице. Отработав месяц, следующие два Иошпе обычно проводила в постели.

Алла: "В детстве мне мама говорила: "Ты не такая, как все. Что-то тебе не дано. Но что-то тебе дано намного больше, чем другим". Нет, я никогда не чувствовала себя ущербленной. Наоборот, меня всегда окружала масса мальчишек, которые ухаживали за мной, даже ревновали друг к другу. Я была хорошенькой девочкой, чего там говорить. И ребятам хотелось меня беречь, защищать. Все-таки слабая, хромота. Например, в десятом классе у меня было сразу семь мальчиков. Чудных. Так трогательно: они приносили мне марки, книжки, цветочки, пирожки. Мама спрашивала: "Ты в кого-нибудь из них влюблена?" Отвечала: "По-моему, во всех".

Стахан: "Тогда, в конце 70-х, Аллу еще можно было вылечить. Мы нашли три клиники: в Израиле, в Нью-Йорке и в Париже. После отказа Министерства культуры мы сказали, что можем и сами оплатить лечение, готовы продать все, что есть... Ответ был тот же: не положено".

Алла: "То есть мы для них — никто. А ведь мы зарабатывали для государства большие деньги. Весь мир объездили с концертами, получали суточные по десять долларов в день, а в Госконцерт собственными ручками привозили тысячи. И были хорошими. А когда нам самим понадобилась помощь..."

И тогда Стахан решил, на безумство: подал документы на выезд на постоянное место жительства в Израиль. Реакция властей последовала незамедлительно: запретить. "Вы слишком много сделали для советского государства, чтобы вами рисковать, — сказали им на Лубянке. — Может случиться все что угодно". Как раз тогда страну потрясло известие об убийстве одного из наших музыкантов, который решил не возвращаться из Японии. "Вы нам угрожаете?" — глядя в глаза сотруднику КГБ, спросила Алла.

Уже на следующий день вчерашних любимцев объявили отщепенцами и предателями. Артистов лишили званий, уничтожили все их записи, запретили выступать с концертами. 1-й секретарь компартии Узбекистана Рашидов, когда ему доложили о ситуации, чуть не задохнулся от собственного гнева: "Рахимов?! Да он у меня скорее на Дальний Восток поедет, чем на Ближний!"

Ежедневно Алла и Стахан получали письма с угрозами, их дочка Таня вздрагивала от каждого телефонного звонка после того, как однажды услышала в трубке от незнакомца: "Приехал из Ташкента человек — убить твоего отца". Им поджигали двери, почтовый ящик, разбивали машину... И постоянно вызывали на Лубянку, где Алла предлагала отказаться от Стахана, Стахану — от

Аллы, а их дочери Тане — от обоих родителей. "Пусть они едут, — говорили, — оставайся, мы же воспитываем детей-сирот".

Алла: "Для телевидения и прессы мы как будто умерли — ни одного упоминания. И лишь лекторы общества "Знание", вещавшие на различных предприятиях о международном положении, поминали нас "добрым" словом. Говорили, что некогда популярные певцы Алла Иошпе и Стахан Рахимов эмигрировали в Израиль. Что ведут там нищенский образ жизни. Что Стахан там варит плов и продает. Что просимся обратно, но Советский Союз не хочет принимать предателей".

Почти десять лет Иошпе и Рахимову не давали работать. Деньги, накопленные за долгие годы выступлений, таяли буквально на глазах. Супругам пришлось продать автомобиль. А через некоторое время стены их квартиры украсили лишь книжные полки — вся остальная мебель, а также посуда и антиквариат со временем осели в ближайшей комиссионке.

В один из дней Алла и Стахан написали ровно сто писем во все столичные издания: "Мы не уехали, мы живы, мы здесь. Нам не дают работать..." Часто из телефонов-автоматов им звонили какие-то незнакомые люди, говорили: "Ребята, мы с вами, держитесь". А знакомые — приходили в гости, приносили еду: торты, конфеты, салаты. Конечно, просили спеть. И вскоре по Москве распространились слухи: Иошпе и Рахимов устраивают домашние концерты. Действительно, каждую субботу в их доме стали собираться люди: актер Савелий Крамаров, музыкант Александр Брусиловский, пианист Владимир Фельцман, знаменитый академик Александр Лернер, нынешний министр труда Израиля Натан Шаранский — все те, кому в разное время было отказано в выезде. Свой "домашний театр" они называли "Музыка в отказе". Его эмблемой стала картина одного запрещенного художника: две птицы, на клювы которых навешен амбарный замок.

"Здравствуйте, Алла Борисовна..."

При Горбачеве Иошпе и Рахимова уже не могли запрещать. Но и разрешать вовсе не спешили.

Стахан: "Нам дали какой-то жуткий оркестрик, разрешили гастролировать. Только без афиш. Приезжаем в один город — в зале лишь несколько человек в штатском. В другой — та же самая история. И вот для этой кучки гебешников мы пели. После серии таких "концертов" нас с Аллой вызвали в Министерство культуры, сказали: "Вот видите, люди не хотят вас слушать, родина вас не принимает".

Алла: "А чтобы отнять у нас право на сольные концерты, на Мосэстраде устроили переаттестацию всех артистов. Марк Новицкий, один из членов худсовета, подошел к нам и сказал: "Ребята, я вас так уважаю, я не могу в этом участвовать". И вышел из зала".

А они, державшись за руки, пели: "С любимыми не расставайтесь". В зале плакали. Даже кто-то из комиссии стал хлопать, но вовремя одернул себя...

Окончательно их "простили" только в 89-м. Да и то когда на заседание парткома, где решался вопрос: снимать или не снимать со Стахана Рахимова формулировку "враг родины", пришел Иосиф Кобзон. Певец, к слову которого привыкли прислушиваться на самом верху, сказал: "Отстаньте уже от них". И от них отстали.

Они и сегодня собирают полные залы. Причём не только в России. Америка, Израиль, Австралия, Германия — в этих странах Аллу и Стахана уже давно называют "народными артистами русской эмиграции". А два года назад Иошпе и Рахимову присвоили звания народных артистов России.

Алла: "Мы недавно были в Америке. Сидим в номере, вдруг раздаётся звонок: "Вы не читали эту беспардонную статью?" — "Нет, какую?" — "Сейчас мы вам привезём". Привезли, читаем — интервью с Аллой Пугачевой. Вроде все деликатно, никого не опуская, никого не обзывая. И вдруг натыкаемся на последнюю фразу. Вопрос журналиста: а почему вы то с одним, то с другим: то Филипп, то Галкин? Алла отвечает: ну как же, актерская судьба такая: если бы я все время была с одним, нас забыли бы точно так же, как Иошпе и Рахимова".

Так вот, уважаемая Алла Борисовна. Спасибо за то, что вы нас не забыли, упомянули всуе. Но вы забыли, что нас уничтожила советская машина. Поэтому, моя дорогая, мы сегодня не в обойме. А не потому, что я не бросила мужа или он меня. С вашей стороны подобное утверждение выглядит, мягко говоря, беспардонно. А если быть точнее — невежливо и неумно".

Их не забыли. И сегодня, когда Иошпе и Рахимов выходят на сцену, зад встаёт. Потому что они выжили. Потому что остались вместе. Потому что не предали друг друга. Не изменили своему стилю. Они не в обойме. Они — в сердцах людей.

Дмитрий МЕЛЬМАН.